

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Аля Ровская

Семья

Аля Ровская
Семья

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ровская А.

Семья / А. Ровская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Временной отрезок из жизни обычной современной семьи. Клубок разных характеров, целей и поступков, где не существует второстепенных героев и незначительных событий. Любой выбор всегда имеет последствия: удачная карьера может отдавать горечью потерянной любви, тотальное равнодушие нанесёт неисчезающие душевные раны близким людям, а желание мести пробудит внутренних демонов, готовых уничтожить всё вокруг. Иногда скелеты просто не умещаются в шкафу... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пролог

Какой дурацкий сон, нелепый и мерзкий.

Стук сердца на мгновение заглушил все звуки вокруг. Кто-то невидимый пребольно сдавил голову в районе висков. Как там обычно советуют при родах? Сделать глубокий вдох, потом длинный выдох ртом и так несколько раз к ряду. Она запыхтела как паровоз, пытающийся сдвинуться с мёртвой точки и вернуться на родные рельсы.

Сквозь шум в ушах начали пробиваться знакомые звуки: тиканье часов, вечно работающий телевизор соседей и сопение дочери. Убедившись, что малышка продолжает спать, Катя осторожно сползла с дивана. Этой развалюхе было примерно столько же лет, сколько и её хозяйке, поэтому требовался определённый подход для того, чтобы бесшумно встать с неё. Диван предательски застонал напоследок и она застыла. Сопение дочери оставалось ровным. Осторожно ступая по полу и надеясь, что все игрушки дочери находятся в положенном для них месте, Катя дошла до двери и потянула ручку вверх и на себя. Дверь тихонько скрипнула, и она мгновенно замерла, как вор, пойманный с поличным. Дыхание малышки прервалось, и Катя сердито подумала о том, как много в её квартире вещей, умеющих разговаривать. Дочка заворочалась в постели, что-то невнятно произнесла и опять засопела.

Простояв минуту, она продолжила тянуть дверь на себя. Только выскользнув из комнаты, Катя с облегчением выдохнула, удивляясь тому, что в такие моменты просто забываешь дышать.

Холодный пол моментально заморозил голые ступни, но возвращаться за тапками она не рискнула. В полной темноте Катя прошлёпала на кухню и взглянула на таймер микроволновки – 3:00. Хорошо, что сегодня суббота и на работу не нужно идти, иначе она сильно расстроилась бы такому раннему утру. Горячий чай поможет согреться, а сигарета – расслабиться. Чайник уютно зашумел, и она потянулась к тумбочке, где лежала отрава. Там точно должна быть начатая пачка. Пожалуй, это единственное, что осталось от мужа, не считая ребёнка. Из рта вырвался циничный смешок с едва заметной примесью горечи. Вот она, всего пары штук не хватает. Катя не курила уже почти шесть лет, с тех самых пор как забеременела Аришей. Быть или не быть, вот в чём вопрос? На секунду прикрыв глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, она открыла форточку и выбросила пачку. В глубине души мелькнуло секундное сожаление, а затем пришло облечение – одной проблемой меньше.

Катя тупо пялилась в окно, сжимая в ладонях чашку с горячим и сладким чаем. Небо быстро светлело, а на улице появились первые прохожие, спешащие по своим делам.

Чёртов сон, давно ей не снились такие кошмары. Сердце утомилось, но голова не переставала болеть, видимо, продолжая мстить за незапланированный подъём. Таблетки, как и тапочки, находились вне зоны доступа, там, где спала её малышка. Ничего, пару часов она сможет потерпеть. Катя в который раз подумала о том, что терпение является для неё вынужденной добродетелью, преследующей её по жизни. Как там говорится? Бог терпел и нам велел. Эта пословица никогда не нравилась ей, но никак не шла из головы, снова и снова проигрывая заезженной пластинкой и вызывая новый приступ мигрени. В волнах головной боли раздался чей-то тихий шёпот, поднимая каждый волосок на теле: «Потерпи, котёнок, больше не будет больно». Она знала этот голос и того, кто шептал ей эти слова в ухо. Несмотря на утренний холод, Катю тут же бросило в пот. Чашка чуть не выпала из её ослабевших рук, и она неловко поставила её на стол. Это были остатки ночного кошмара, потому что этого не могло быть в реальности. Она точно это знала или...нет?

Слёзы закапали на стол, увеличивая лужицу пролитого чая, а из груди вырвался протяжный стон. В голове начали мелькать обрывочные воспоминания, путаясь и опережая друг друга, словно соревнуясь в желании поскорее проявиться в её памяти.

Она вспомнила как в семь лет впервые села на велосипед, умирая от страха перед встречей с серым асфальтом. И жгучую боль в разбитых коленках, когда неминуемое всё-таки произошло. После того падения мама безжалостно выкрасила её ноги в зелёный цвет.

Ах, как она ругала себя за дрожащий голос, когда в десять лет выступала на сцене летнего лагеря в роли ведущей. Это был очень смелый поступок с её стороны, ведь внутренне она просто корчилась от ужаса перед многоликой шумной толпой детей. Гордость за собственную смелость до сих пор пряталась где-то внутри неё.

Она внезапно вспомнила, что совершенно не хотела видеть его голову между своих ног, худеньких и разбросанных в разные стороны. В тот момент она изо всех сил представляла, что это ей просто снится. Плохие сны часто приходят ко всем людям, а к пятилетним девочкам тем более. Так бывает и ничего с этим не поделать. Катя не хотела видеть, но продолжала чувствовать как в том самом месте, которое так отличается от мальчиков, становится мокро и приятно.

Потому что это был не сон.

Глава 1

1979 год Саша

Домашний телефон заорал раздражающей трелью. Взгляд Саши метнулся от телевизора к будильнику, стоявшему на тумбочке возле кровати. Какой умник решил, что может звонить ему в десять вечера? Отрываться от фильма никак не хотелось. Актриса, исполнившая главную роль, определённо, ему нравилась. Это она-то благочестивая? Как бы ни так! Эх, какие у неё аппетитные формы. Мужская половина страны при виде неё исходила слюной, а женская – умирала от зависти. Саша был уверен, что она просто бешенная в постели, не то что его жена. Она была полной противоположностью красавице на экране: худая как щепка, ни приличной рожи, ни женских повадок и ужимок. И зачем он только женился на ней? Это был риторический вопрос с давно известным ответом: по какой-то необъяснимой причине Наташка нравилась его отцу. Лучше бы старый козёл женился на ней сам, вот была бы умора. Интересно, он хоть состоятелен ещё как мужчина или давно уже забыл, что это такое? Саша громко рассмеялся и тут же оборвал свой смех, вспомнив, что он не один в квартире. Только бы её ублюдок не проснулся. Сообразив, что трели надоевшего телефона сейчас разбудят того, кого он меньше всего хотел бы видеть, Саша метнулся к телефону.

– Слушаю. Какая Варя? Ах, Варенька. Конечно, узнал, просто не сообразил сразу. Нет, не спал ещё. Родила? – Мужское лицо мгновенно исказила гримаса ярости. – Спасибо, Варенька. Конечно, я рад. Да-да, до свидания.

Саша медленно положил трубку. Проклятая стерва даже этого не сумела, не смогла родить ему сына. Ну, какая проблема хоть раз сделать то, о чём он просил? И эта старая корова, отрабатывающая шоколадки, со своими нелепыми поздравлениями. С чем тут можно поздравлять? Девочка – это очередная проститутка, которую кто угодно будет пользоваться. То ли дело сын, которого у него теперь не будет.

Саша метался по комнате, с трудом подавляя желание крушить и ломать. Чёртова девочка. Своему первому мужу Наташка родила сына. Этого маленького вонючего ублюдка, который всё-таки проснулся и, застыв в проёме своей комнаты, исподлобья смотрел на отчима. Его пижама непонятного вылинявшего цвета давно нуждалась в обновлении, а игрушечный медведь, зажатый подмышкой, выглядел нелепо для мальчика его возраста. Пижамные штаны были сильно коротки, что лишний раз подчеркивало несуразный вид ребёнка и глупость его матери, ничего не делавшей вовремя и правильно. Сашу раздражало в этом мальчике всё: карие глаза навывкате, его телосложение и манера говорить. Когда-то он дал маленькому засранцу разрешение называть себя папой. Как радовалась этому его дура-жена, а этот ребёнок ни разу не назвал его так. За целых три года их совместной жизни – ни разу. Вот что значит брать в жёны бабу с чужим приплодом. Однозначно, это гены его пропавшего без вести папаши. От матери ему достались худоба и рот с крупными зубами и пухлыми губами. Эти почти бабские губы, наконец, разомкнулись и с явным усилием произнесли:

– Кто звонил? С мамой всё в порядке?

И снова никакого обращения. Ни папа, ни хотя бы дядя Саша. Издевается он что ли?

– Ничего с твоей мамашей не случилось, – рявкнул он. – Родила она. Теперь у тебя есть сестра.

Судя по виду мальчика, он не знал, что требуется говорить в таких случаях и произнёс то, что больше всего волновало бы любого ребёнка на его месте:

– А она скоро вернётся?

Злоба на жену вспыхнула с новой силой. Вот он, наследник и продолжатель чужого рода. Родил эта сучка ему сына, он с гордостью смог бы смотреть своему папаше в глаза. «Видишь, папа, у меня сын! Только у настоящего мужчины может родиться мальчик. Он вырастет отлич-

ным мужиком, потому что именно я воспитаю его таким. Теперь ты можешь гордиться мной!». Нарисованная картинка лопнула, как мыльный пузырь, потому что у неё родилась девочка. Саша легко мог представить взгляд, каким его наградит отец, получив это известие и ход его мыслей. «Опять он облажался. Не смог даже этого сделать, слабак».

В какой-то момент перед глазами возник образ его жены с тем самым щенячьим выражением на лице, которое так бесило его. Саша представил, как его сильная благодаря регулярным физическим упражнениям рука сдавливает тонкую шею и вместо этого глупого обожающего выражения на морде, в её глазах появится страх.

– Мама теперь скоро придёт, да? – настойчиво повторил Борька.

Саша понял, что всё ещё стоит посреди комнаты, будто выпав из настоящего, и сжимает кулаки. Папан явно нарывался.

– Почему ты не спишь?! – заорал Саша. – Что тебе здесь нужно? Иди лучше уроками займись, сопляк!

– С чего это вдруг? Завтра же воскресенье, – буркнул мальчик в ответ.

– Заткнись! – От возмущения голос Сашки сорвался на фальцет. – Я научу тебя разговаривать со старшими!

Медленно, наслаждаясь каждым движением, а главное, растущим ужасом в этих лупатых глазах, Саша открыл шкаф с одеждой. С внутренней стороны одной из дверей шкафа болтались его ремни, надёжно зажатые тонким металлическим держателем. Среди них выделялся его любимый коричневый кожаный ремень с тяжёлой пряжкой. В нынешние времена мало кто мог похвастаться такой вещью. За это надо благодарить папочку. Как, впрочем, и за всё остальное, включая квартиру, высокую должность и нелюбимую жену. И за этого сосунка, который обмочился от страха и теперь, стоя в луже собственной мочи, шептал:

– Не надо, пожалуйста. Я больше не буду.

– Надо, Федя, надо! – крылатая фраза из известного всей стране фильма заставила Сашу улыбнуться. Он направился к ребёнку, не отрывая глаз от побледневшего лица мальчика и похлопывая себя ремнём по бедру.

Глава 2

1979 год Наташа

У неё болело всё тело, которое словно перемолол и выплюнул безжалостный процесс появления на свет новой жизни. Ладно бы только то место, откуда вышел ребёнок. Даже наедине с собой Наташа не могла произнести слово, которое обозначало его. Её мать презрительно называла это срамом, каждый раз буквально выплевывая его тогда, когда нужно было хоть как-то обозначить женскую природу. О том, как называли это мужчины, лучше не вспоминать – сплошная пошлость. Кажется, она там изрядно порвалась.

Наташа лежала на больничной койке с панцирной сеткой и, невзирая на свою худобу, почти касалась пола пятой точкой. Сколько лет этим кроватям? Боль в спине утверждала, что она уже давно лежит так. Вцепившись руками в металлическую перекладину койки, Наташа смогла перевернуть своё многострадальное тело на бок.

Поясница благодарно хрустнула и боль в спине чуть утихла. Интересно, кого она родила? Кажется, девочку, но стопроцентной уверенности у неё не было. Она не расслышала, что сказала акушерка. Когда пошла голова ребёнка, от дикой боли Наташа закричала так, что взвизгивавшая акушерка метнулась к ней и с силой двинула её ладонью по лицу.

– Умела ебаться, умей и терпеть!

Перед тем как потерять сознание в ней полыхнула ненависть к этой грубой бабище и мысль о свёкре: «Уж он-то с тобой разберётся».

Мысли о свёкре изогнули её губы в улыбку. Этого человека, заменившего ей отца, она безоговорочно любила. Родного папашу всегда волновала только водка и другие горячительные напитки, ставшие смыслом его жизни. Его желание «поднять себе настроение» любимым доступным способом, лишили его дочери много лет назад. Владимир Иванович её второй но, по факту, единственный отец, с самой первой встречи отнёсся к ней с трогательной теплотой. Немножко непонятной, но согревающей. Его забота о том, всё ли у неё в порядке, привела к тому, что она полюбила его намного сильнее своего папаша. Если разобраться, то она никогда не любила родного отца. Когда он был трезв, то становился невидимкой, когда выпивал, начинал превращаться в деспота, который только и делал, что смертным боем бил мать. Сашка – счастливчик, хотя он так, кажется, никогда не считал. Если бы сын больше походил на своего отца, то Наташа была бы самой счастливой женщиной в мире. Она быстро отогнала эту кошунственную мысль, тут же готовая обвинить себя в неблагодарности судьбе за такого прекрасного мужа. Она любит Сашу, а он любит её. У них получилась замечательная семья.

Впервые они встретились на танцах в парке Правды. Депрессия после неудачного первого брака на целых два года заставила её забыть о каких-либо развлечениях. Она сумела простить себя за «ошибку», в отличие от её родителей, не упускавших возможности ткнуть дочь лицом в её же глупость. В тот день всё сложилось так, будто сама судьба хотела их встречи. Мать была в хорошем настроении, так как пьяный отец заснул раньше обычного и до утра уже не придётся опасаться его криков и тяжёлых кулаков. Благодаря этому Наташа легко уговорила её присмотреть за малолетним Борькой, «последствием собственной дурости». Наташе даже не испортило настроение то, что по сравнению с Танькой, подружкой со школьных времён, она выглядела не очень презентабельно в своём платье грязно-коричневого цвета с непонятным узором и наброшенной на плечи жёлтой кофточке. Зато причёска была на высоте, чего не скажешь о подружке. Природа наградила Таньку мышинного цвета волосами, которые к тому же были очень редкими. То ли дело её густые и вьющиеся волосы, длиной по самые лопатки. Они могли быть каштановыми в сумерках и почти красными на солнце, но круглосуточно вызвали зависть подружки.

Повторная попытка изменить положение тела, вызвала резкую боль в паху. Ощущение было такое, будто в неё воткнули множество острых иголок и потянули одновременно в разные стороны. Наташа накрыла ладонью свой многотрадальный «срам» и тихонько застонала. Словно в ответ на это, дверь резко распахнулась и с громким стуком врезалась в стену.

– Очухалась, перепуганная? Дай-ка гляну.

Акушерка, врезавшая ей по лицу, на секунду замерла на пороге и тут же двинулась к покрасневшей Наташе, предположившей, что её манипуляции руками не прошли мимо глаз злобной бабы. Она нависла над ней, как жуткий призрак прошедшей боли и потребовала раздвинуть ноги. Когда Наташа замешкалась, бабища с глубоким вздохом, показавшим как ей осточертела эта работа, сама задрала ей больничный халат и ночнушку с большими штампами, на которых был указан номер роддома. Она двумя пальцами зацепила и потянула в сторону пелёнку, зажатую ногами Наташи. Кровавый рисунок, почти полностью закрасил больничные метки на ней. Наташа успела подумать о том, что эти штампы – самое глупое и отвратительное, что она видела в этой больнице. Акушерка наклонилась так низко, что её дыхание коснулось внутренней поверхности бёдер роженицы.

– Ага, – глубокомысленно произнесла она. – Ну... Повезло тебе, деточка. Порвалась ты сильно, конечно. Я тебя заштопала, как умею, а штопаю я хорошо, не сомневайся. Будешь, как целка.

Засмеявшись собственной шутке, она воткнула новоиспечённой девственнице свежую пелёнку между ног, которую как фокусник достала будто из воздуха. Наташа удивлённо моргнула. Использованная кровавая тряпка была брезгливо брошена на пол.

– Сейчас санитарка приберёт.

Акушерка уже взялась за дверную ручку, когда Наташа решилась, наконец, спросить:

– Простите, я хотела уточнить. У меня...дочь?

– Орать надо было меньше, – буркнула баба и, бросив взгляд через плечо, добавила: – Девочка, вес три пятьсот, рост пятьдесят сантиметров. Скоро привезут на кормёжку.

Наташа расцвела, радуясь этой новости и забывая боль и унижения сегодняшнего дня. Маленькая, хорошенькая девчушка обязательно будет похожа на своего папу. Она всегда хотела двоих детей, мальчика и девочку. Правда, она не думала, что они могут быть от разных отцов, но какая разница? Борька и ... имя они подберут вместе с Сашей. Кажется, муж хотел мальчика. В разговоре о будущем ребёнке всегда звучало местоимение «он». Насколько сильно он расстроится?

Дверь снова распахнулась. Взгляд Наташи тут же зацепился за тележку, на которой в ряд лежало пять орущих свёртков. Который из них был её сокровищем? Медсестра уточнила фамилию и, сверившись с записями в бумагах, которые располагались на одном из младенцев, выбрала четвёртого по счёту.

– Вот этот ваш. Поздравляю, – механически добавила она.

Осторожно, боясь слабости в руках, Наташа прижала драгоценный свёрток к себе. Маленькое личико дочки недовольно скривилось, когда материнские губы коснулись её лобика.

– Ах, какая ты у меня красавица.

Медсестра, закрывавшая двери, обернулась и со знающим видом произнесла:

– В этом возрасте, они все на одно лицо. Отличия под пеленками спрятаны.

Наташа проигнорировала это сомнительное утверждение, потому что её девочка была особенной. Она прижала к себе маленький свёрток и вдохнула аромат детского тельца. От избытка эмоций ей захотелось плакать. Появление доченьки укрепит их семью, и они все будут счастливы. Она, Саша, Борька и ...Катюша. Это имя всегда очень нравилось ей. Екатерина Александровна – звучит гордо. Катя, Катюша, её маленький котёнок. Теперь у них будет полноценная семья.

Глава 3

1982 год Владимир Иванович

Дед с улыбкой смотрел на внучку.

– Ну-ка, милая, повтори ещё раз, как тебя зовут?

– Ха-тя, – коверкая своё имя, сообщила девочка.

– А меня как зовут? Помнишь?

Малышка сморщила лобик, пытаясь выудить из памяти ускользающее слово.

– Деда, – нерешительно начала она и тут же с победным криком продолжила: – Ва-а-алодя!

– Моя умница, – восхитился Владимир Иванович и, подхватив внучку на руки, закружил по комнате. – И всё-то ты знаешь, моя хорошая.

Девочка весело смеялась и повизгивала, не забывая держаться за шею деда. Её смех был так заразителен, что дед захохотал вместе с внучкой. Невестка вошла в комнату с подносом, на котором было всё необходимое для чаепития.

– Ах, папа, вы её совсем разбалуете.

– Перестань, Наташа, – возразил Владимир Иванович. – Я не так часто вижу её, чтобы разбаловать.

Усевшись в кресло, и всё ещё не выпуская внучку из своих объятий, он внимательно посмотрел на невестку. Что-то в ней его смущало. Несмотря на рождение двоих детей она умудрилась остаться элегантно худощавой. Аккуратная причёска, одежда в неброских тонах, минимум украшений и косметики – это то, что всегда ему очень нравилось в этой женщине. Только вот что-то не так с её цветом лица. Или это игра света? Владимир Иванович поставил внучку на пол и ласково хлопнул по попе.

– Беги к братику, солнышко. Где Боря?

– Де Боя? – комично повторив интонацию деда, она с важным видом ушла искать брата.

– Наташа, что у тебя с лицом?

От неожиданного вопроса Наташа резко выпрямилась и с явным страхом взглянула на свёкра. Под его исследующим взглядом она густо покраснела. Долгие манипуляции с тональным кремом стали ещё заметней, но об этом она могла только догадываться.

– Ой, папа, такая забавная ситуация произошла. Извините за интимные подробности, но вы просто не оставили мне выбора, – фальшиво рассмеялась Наташа. – Сколько раз я зарекалась пить на ночь чай – не сосчитать, но теперь эта привычка нанесла мне вполне ощутимый удар по самолюбию.

Он вполуха слушал историю о том, как ночью ей понадобилось в туалет и как, совершенно неожиданно, она врезалась в приоткрытую дверь туалета. Видимо кто-то из детей оставил маме своеобразное напоминание о том, что ходить с закрытыми глазами может быть опасно даже в родном доме.

Натужный смех матери его единственной внучки больно отозвался где-то в глубине души. Она с воодушевлением продолжила излагать давно подготовленный рассказ:

– Больно было, конечно, ужасно. Теперь я хорошо представляю, что значит выражение «звёзды из глаз». Клянусь вам, это был самый настоящий звездопад. – Она закончила изображать веселье и почти сухо завершила историю: – Шишка быстро прошла, а вот синяк приходится замазывать тональным кремом.

Во время рассказа она ни на секунду не подняла глаза от журнального столика, где её руки продолжали колдовать над сервировкой, чтобы посмотреть поверил ли ей дорогой гость. Владимир Иванович ухватил невестку за одну из порхающих над столиком рук.

– А эти синяки оттого, что ты сама себя пыталась удержать от падения? И кофточку с длинным рукавом ты натянула, потому что в квартире очень холодно? Я угадал?

Последний вопрос повис в тишине комнаты. Некоторое время они оба смотрели на худенькую женскую руку, где чётко отпечатался след крупной мужской пятерни. Отпечаток уже не был пугающе чёрным. Сейчас в этом чужом её телу рисунке преобладал жёлтый цвет, с лёгким зелёным оттенком. Наташа медленно подняла глаза на мужчину, заменившего ей отца. Не отрывая глаз от лица свёкра, она выдернула свою руку из его ладоней и опустила рукав на место. Затем произнесла бесцветным голосом:

– Не надо, папа, пожалуйста.

Владимир Иванович устало вздохнул и откинулся на спинку кресла. Потирая грудь, словно пытаясь разгладить возникшую там тяжесть, он задумался о том, что абсолютно не понимает, как он мог вырастить такое чудовище. Как это случилось? Где он ошибся?

Всю свою жизнь он трудился, не покладая рук. Для сына. Сашка был поздним и единственным ребёнком. Его супруга была очень тихой и скромной девушкой, женитьба на которой заметно облегчила Владимиру путь наверх. У неё просто не было шансов устоять перед статным красавцем, которым он был в те времена. Его тесть принадлежал к верхушке партийной номенклатуры города и юный Володя прекрасно об этом знал. Он всегда хотел попасть в элиту, чтобы никогда и ни в чём себе не отказывать. Это страстное желание не давало Володе спать по ночам и превращало его мозг в сложную вычислительную машину, постоянно просчитывающую возможные варианты. Такой же огонь полыхал в глазах его тестя. Это был тот самый случай, когда рыбак рыбака увидел издали и Георгий Иванович, поднимаясь вверх по карьерной лестнице, тянул за собой и своего зятя. Его мечта воплотилась в жизнь, но...

Каким молодым и глупым он тогда был. При всей своей сообразительности, он так до конца и не понял, что обрекает себя на несчастливую жизнь. Любовь к власти оказалась сильнее любви к женщине, так похожей на эту девочку с синяками на теле.

Ему казалось, что ничто не могло сравниться с ощущением безграничной власти, с возможностью навязывать свою волю и влиять на судьбы людей одним взглядом или росчерком пера. Как ему нравились эти льстивые улыбки, ощущение собственной значимости и избранности. Он наслаждался властью и удовольствиями, о которых простые граждане не имели представления.

По-прежнему потирая грудь, он снова взглянул на Наташу. У неё красивый профиль, высокий лоб и пухлые губы. Совсем как у той, от которой ему пришлось отказаться. Выбор был сделан и он много лет не жалел о нём. Разве только иногда по ночам. Холодный расчёт объединил двух мужчин в крепкий тандем. Георгий Иванович получил преданного человека, с которым он был связан родственными узами. Да и любимой дочурке радость. Иногда, выпивая сто грамм коньяка, он будто в шутку говорил ей:

– Видишь, Леночка, какой у тебя папка? Мужа тебе нашёл всем бабам на зависть: красив, умён, надёжен. Довольна ли моя девочка?

Девочка Лена всегда соглашалась с отцом и благодарила его классическим поцелуем в щёку и крепкими объятиями, хотя вопрос о том, кто кого «нашёл» сам Володя считал очень спорным.

Сердце Владимира Ивановича заныло с новой силой, а лицо и шея покрылись холодным потом. На внуке тоже тесть настоял, и Володя не подумал сопротивляться, соглашаясь с тем, что родственные связи должны стать кровными. Сразу после родов жена так же тихо скончалась, как и жила – незаметно и не доставляя хлопот. За короткое время какая-то послеродовая инфекция съела Лену изнутри, сделав Володю вдовцом. Тесть был в ярости, потому что дочь он безумно любил. Тихое угасание молодой мамы не смогли замедлить ни связи, ни деньги. В больнице полетели головы. От яростного гнева Георгия Ивановича пострадало множество людей от простых санитарок до самого главврача.

После смерти дочери тесть очень изменился. В нём как будто сломался внутренний стержень, и каждое утро он надевал себя на его остатки и заставлял двигаться и просто жить. Георгий Иванович уже не мог обходиться без зятя и давал ему всё большее поле для деятельности. В конце концов, он просто отошёл от партийных дел по возрасту и вместе со своей супругой занялся воспитанием внука Александра. Вот оно. Нельзя было самоустраняться от воспитания сына.

Щёлкнул замок входной двери, и Наташа умоляюще прошептала одними губами:

– Папа, пожалуйста! – и выскочила встречать мужа. – Ой, Сашенька, у нас папа в гостях.

– Я вижу! – буркнул голос сына.

– Папа пришёл, папа пришёл! – заверещала маленькая Катя, вылетая из комнаты Борьки. Сквозь стеклянные двери комнаты Владимир Иванович видел, как его единственный сын бросил угрюмый взгляд на жену и подхватил малышку на руки.

– Привет, детка! Ты сегодня слушалась маму? – небрежно потрепав дочь по головке, Сашка тут же опустил её на пол. Владимир Иванович почему-то подумал, что это проявление эмоций к собственной дочери – тот максимум, который девочка видела за свою короткую жизнь от родителя.

Отец продолжал рассматривать сына. Сашка был красивым мужчиной, этого у него не отнять. Внешне они были очень похожи. Вот только глядя на сына, Владимир Иванович всегда поражался его виляющему взгляду. Создавалось впечатление, что для того чтобы посмотреть кому-то в глаза, Саше приходилось прилагать невероятные усилия. Катюша молнией забралась на колени деда и погладила ладошками его щёки.

– Деда мокрый, – заявила она и с детской непосредственностью вытерла свои влажные ладошки об его же рубашку. Наташа, ставившая возле разуваящегося мужа тапочки, замерла и удивлённо посмотрела на свёкра.

– Папа, как вы себя чувствуете? Может скорую вызвать?

– Всё в порядке, дочка. Ничего не надо.

– Здравствуй, отец! – взгляд сына остановился на бледном влажном лице отца и тут же снова пошёл путешествовать по комнате.

– Наташа, забери Катю. Нам с Сашей нужно поговорить, – Владимир Иванович, привыкший отдавать указания, не ожидал сопротивления даже от Сашки, на лице которого мелькнуло и тут же пропало выражение детского упрямства.

Он сделал вид, что не видит это сопротивление сына и очередной умоляющий взгляд невестки. У него начала болеть шея и область левой лопатки и впервые за весь вечер он подумал, что стоит показаться врачу.

– Выйди, тебе сказали! – рявкнул его сынок, не обращая внимания на обеспокоенный вид жены. Сейчас его взгляд ощупывал бледное лицо отца, полулежащего в кресле с закрытыми глазами. Наташа прикрыла дверь комнаты за собой, буквально вытягивая из комнаты сопротивляющуюся дочь, не желающую отходить от любимого деда.

– Сядь рядом! – приказал Владимир Иванович.

Этот приказ можно было выполнить только подвинув стул к креслу, в котором сидел отец. Кресло стояло обособленно, в самом лучшем месте – напротив телевизора. Сидя в нём, можно было и в окно смотреть и контролировать входящих в квартиру. Это было кресло Сашки и только в приезды отца, он лишался трона в собственной квартире. Нехотя и слегка гримасничая, будто ведя какой-то внутренний диалог, сын принёс стул. Отец наблюдал за ним из-под прикрытых век. Внезапно вспомнилось, как он впервые взял на руки свою внучку. Маленькое сморщенное личико девочки было таким очаровательным, что он почувствовал, как толстый слой льда, которым покрылось его сердце, тихонько треснул. Когда девочка посмотрела на деда, Владимир Иванович больше всего на свете опасался увидеть именно этот виляющий взгляд Сашки.

Когда он открыл глаза, взгляд сына метнулся прочь от отцовского лица.

– Я слушаю тебя, папа.

Ох, уж эта показная покорность. Сидя напротив, его великовозрастный сынок откинулся на спинку стула, всеми силами увеличивая расстояние между ними. Вряд ли ему это поможет. Резко наклонившись вперёд, Владимир Иванович ухватил его за рубашку. От этого движения в груди снова кольнуло.

– Как ты можешь бить женщину?! Как ты смеешь? Какой ты после этого мужчина? – Каждое слово с трудом покидало пересохший рот, царапая его горло и наполняя горечью разочарования.

– Она упала, папа! – голос Сашки начал ломаться, как у подростка. – Честное слово!

– Лжец, – просипел Владимир Иванович. – У тебя нет чести. Если ты ещё раз...

Воздух стал тяжёлым и тягучим, а воротник рубашки превратился в удавку. Он начал срывать её с шеи, пытаясь сделать ещё один глоток воздуха, свежего и сладкого. Пот заливал глаза и искажал реальность. Его сын улыбался, искренне и радостно, совсем как в детстве. Галлюцинации – это уже серьёзно. Тело начало непроизвольно подёргиваться и Владимир Иванович на секунду зажмурился.

– Сынок, – прошептал он и поднял глаза на Сашку.

Одного взгляда на лицо своего единственного сына было достаточно для того, чтобы он чётко понял, что для них уже слишком поздно. Владимир Иванович отвернулся, чтобы не видеть эту улыбку победителя на родном лице. Наверное, он это заслужил. Эта мысль продолжала болезненно пульсировать в его голове и затихла вместе с последними ударами сердца.

Глава 4

1983 год Борис

Жаль, что дед умер и плевать, что он не был ему родным. Владимир Иванович всегда называл Борьку внуком и обращался с ним как с взрослым, не сюсюкая и с уважением. Конечно, с Катькой он возился намного больше, она ведь девчонка, мелкая совсем и родная ему. Мать накрывала на стол, потому что сегодня надо отметить годовщину смерти. Или годовщину не отмечают? В общем, по нелепым правилам взрослых надо сидеть за столом и вспоминать деда. Конечно, с алкоголем, как же без него? Глупые взрослые. Почему именно за столом? Лёжа в кровати или сидя на уроках нельзя? Ему не нужно было вспоминать Владимира Ивановича именно сегодня, он просто не забывал его.

Со смертью деда отчим вообще перестал притворяться. Борька-то видел настоящее лицо этого козла и раньше, а мама – нет. Почему она никогда не защищала его от нападков этого урода? Она, наверняка, любила сына, ведь все родители должны любить своих детей. Так говорили в школе и несколько раз – сама мама. Вот только видя на его теле разноцветные синяки, свежие или старые, мама становилась какой-то отрешённой. Её взгляд стекленел, и она как робот всегда повторяла одно и то же:

– Боренька, ну что у вас с ребятами за игры такие? Осторожней надо.

В самом начале «воспитательного процесса» как называл это отчим, Боря пытался рассказать матери, что вовсе не его друзья ставят ему синяки. Как правило, отчим проводил воспитательную экзекуцию без матери и Борька старался не появляться дома в её отсутствие, но рождение сестры повесило на него ярмо «помощника» и увеличило риски быть битым.росло и количество причин для этого. Неужели мать настолько слепа, что не понимает этого? Его попытка попросить о помощи с треском провалилась. Вместо понимания, жалости, заботы и праведного гнева, в конце концов, у неё сделалось такое лицо, что Борька больше не начинал разговор на эту тему. Смешно было то, что мама даже будто бы обиделась на попытку сказать ей правду. Она долго и нудно читала сыну лекцию о том, что врать нельзя, что от этого могут пострадать невинные люди, что отчим любит его и хочет воспитать настоящим мужчиной. Если воспитать мужчиной значило бить до тех пор пока не устанет рука, оскорблять и унижать, то отчим не жалея себя отдавался этому важному делу. С женой он перестал церемониться незадолго до смерти деда. Только перед его приходом в доме царил покойствие ведь синякам нужно время, чтобы исчезнуть.

Когда отчим впервые избил маму Борька не испытал к ней жалости. Пусть знает каково это – когда тебя некому защитить. Больше всего отчиму нравилось брать мать за волосы и бить лбом об стол, стену и даже собственное колено. Этот равномерный стук вызывал у Борьки самые разнообразные эмоции, включая чувство удовлетворения и злорадства. Каждый раз после подобной экзекуции отчим тянул провинившуюся мать в спальню и чутко прислушивающийся Борька слышал что-то новое и непонятное. Звуки ударов головой он распознавал безошибочно, но то, что происходило дальше, являлось для него загадкой. Громкий шёпот отчима: «Открой шире рот, сука!» и ощущение того, что мать вот-вот вырвет, вызывало недоумение. Вот бы хоть одним глазком глянуть.

– Боренька, иди поиграй с Катюшей к себе в комнату. Мне ещё столько всего сделать надо, а она под ногами путается, – попросила мать, продолжая метаться между кухней и комнатой.

Стрелки часов показывали, что скоро вернётся тот, кому абсолютно наплевать на все её старания и Борьке было любопытно, когда мать это поймёт. Он послушно взял сестру за руку и повёл в свою комнату.

– Расскажи мне сказку, – попросила Катя, устроившись рядом на диване.

– Нет, ты будешь реветь и жаловаться мамке, – уверенно сказал Борька и нехотя добавил: – Или ему.

Девочка ни на секунду не усомнилась, что речь идёт о папе.

– Я не буду, честно-честно.

Борька сделал вид, что размышляет.

– Точно не будешь? – весь его вид говорил о том, что он очень хочет ей поверить. – Сказка страшная, сразу предупреждаю.

– Честно не буду, – упрямо повторила девочка.

– Ну, тогда слушай. – Он втянул в себя воздух и начал: – В одном большом городе жили бабушка и её внучка – маленькая девочка.

– А где были мама и папа девочки? – вполне разумный вопрос сестры, вызвал у Борьки приступ гнева.

– Будешь перебивать, я не буду рассказывать! – Прикрикнул он. – Умерли они, понятно?

Энергичное кивание маленькой головки, украшенной белыми бантами, было ему ответом.

– Как-то вечером они сели ужинать, но оказалось, что у них закончился хлеб. Пришлось бабушке идти за ним в магазин. Она сказала внучке, чтобы та никому не открывала двери и ушла.

– А почему она не взяла девочку с собой? – Катя тут же перепугано закрыла себе ладошкой рот. – Я больше не буду, честно-честно.

Борька закатил глаза и тяжело вздохнул, словно раздумывая, не бросить ли ему это неблагодарное дело – рассказывать сказки, но милостиво решил продолжать.

– Бабушка очень спешила, потому что до закрытия магазина оставалось всего тридцать минут. Ты себя вспомни, одеваешься по три часа. Вот и та девочка тоже была копушей. И так, – трагическим шёпотом сообщил Борис. – Бедная девочка осталась совсем одна.

Рассказчиком Борька был хорошим, даже талантливым. Его голос то поднимался вверх, то опускался почти до шёпота, вызывая у замершей Кати бурю эмоций.

– А в это время, со стороны старого заброшенного кладбища в город въехала большая чёрная машина. За рулём сидел чёрный человек с огромными чёрными глазами и большими острыми зубами. Он был очень голоден. Больше всего на свете он любил пожирать маленьких детей, которые оставались без присмотра взрослых. Он находил их по запаху.

В каждое второе предложение, он вставлял «чёрный-чёрный» и в лицах изображал то кровавого монстра, то перепуганную жертву. Катя начала испуганно жмуриться и отводить глаза от лица старшего брата, судорожно сжимая маленькими ручками диванную подушку.

– ... радио кричало: «Беги, девочка, беги! У чёрного человека есть чёрный-чёрный гроб, и он положит туда твои косточки, после того как съест!».

Она не дала закончить сказку. Так же как и в прошлый раз. В самом финале Катя начала истошно кричать, зажимая руками уши и звать маму. Свои истории Борька мог рассказывать только в отсутствие отчима, матери он не боялся. Она только и могла, что пялиться на него и прижимать к себе ревущую в голос Катю. После неглубокого выяснения обстоятельств, она срывающимся голосом отчитывала обоих своих детей.

– Ты уже большая девочка, Катя! Неужели ты не понимаешь, что Боря тебя просто дразнит? – лёгкий шлепок по попе дочери должен был закрепить это знание в её сознании.

– А ты... Ты не понимаешь, что так нельзя? – продолжала мать, переключаясь на сына. – Это же твоя младшая сестра, которую ты должен защищать, а не пугать до смерти!

– А я твой сын, мама! Почему же отчиму можно меня бить, а тебе делать вид, что ничего не происходит? Что ты мне скажешь на это?!

Глядя прямо перед собой, Борька думал, что когда-нибудь бросит ей в лицо свои претензии и едкую ненависть, бурлившую в нём ко всем ним. Иногда ему казалось, что мать чувствует

подобие вины перед старшим сыном. Пожалуй, только так можно было объяснить то, что она ничего не говорила отчиму об этих сказках. Она могла бы рассказать своему драгоценному мужу ещё и о том, что нелюбимый им пасынок дёргает родную дочурку за волосы, болезненно щиплет и толкает её при любой возможности.

Однажды Катю пришлось везти в больницу, потому что Борька перестарался. Во время семейного ужина, на котором отчим привычно отсутствовал, сестра каталась на табуретке вместо того, чтобы спокойно копошиться в своей тарелке. Только отсутствие её папочки и какое-то внутреннее стремление проверить границы дозволенного, заставило его поднять ногу и выбить табурет из-под сестры. Тот улетел в сторону, освобождая пол для приземления Катюшки. Встреча её головы с полом была настолько громкой, что Борис невольно замер и испугано посмотрел на дверь ванной, где скрылась мать, как только поняла, что её старания снова никто не оценит. Этот звук напомнил ему стук маминой головы о разные твёрдые поверхности. Он вспомнил, как зачарованно смотрел на Катю, которая неподвижно замерла на полу и стала похожа на старую тряпичную куклу покойной бабушки. Её глаза остались приоткрытыми, а личико стало бледным, с лёгким жёлтым оттенком из-за падающего на него электрического света. В щелочки можно было рассмотреть белки её глаз, которые тоже отливали золотом. Борька не мог оторвать от неё глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.